

Предисловие

к поступку, или как говорили встарь,
обращение до ласкового читателя

Большинство сибирских городов имеет свою письменную историю. Есть городские летописи у иркутян, у пермяков и тоболяков. Есть даже летопись целой линии крепостей по Иртышу... Ко времени зарождения Барнаула обычное для предыдущих веков дело – запись событий, важных для судьбы города, – уже выдохлось. Правда, велась еще городская летопись ямщиком Черепановым в Тобольске, еще не иссяк высокий порыв создания подробного хронографа у иркутян Пежемского, а потом Кротова, в староверческих скитах Приобья и верховой Енисея велись записи сибирских событий, создавались жития русских подвижников древлеправославия, но в целом традиция летописания к середине восемнадцатого столетия в России угасла.

Так что винить Барнаул в отсутствии подробно записанной биографии вряд ли уместно. Да и не напрасно же отметил историк Ключевский важную особенность нашей жизни: «Известно, как трудно развивается в человеке и в народе способность оглядки на себя, на пройденное и сделанное, как вообще трудно отрешиться на время от окружающего, стать в стороне от него, чтобы окинуть его спокойным взглядом». Все здесь верно, но тем не менее... Применительно к традиции летописания, сказанное в конце девятнадцатого века Ключевским свидетельствует скорее о том, как быстро может быть отучен народ от заповеданного обычая и как трудно вернуть ему традицию. В связи с этим, если не забывать точного перевода слова «традиция» как «передача», есть основание крепко посожалеть о том, что наши русские предшественники не передали нам беспристрастно записанных подробностей барнаульского житья-бытья предыдущих веков. Да и книгами о Барнауле историки минувших времен нас тоже мало порадовали. Опыты в этой области более чем скромны: небольшая книжка Г.Д. Няшина да малоизвестный очерк Г.Б. Баитова по истории муниципального Барнаула. Литературно-исторические упражнения архитектора Баландина, предпринявшего попытку реконструкции истории города, или разыскания в этой области его коллег, вряд ли можно принимать за основополагающие, поскольку кто-то из древних справедливо заметил: «Город – это не здания, город – это люди». А коли так, то необходимо вспомнить, Барнаул – это законнорожденное дитя Акинфия Демидова, плод его промышленных начинаний в Сибири.

Стрежневой поток сибирской истории проходил как будто бы мимо тех мест, где суждено было образоваться Барнаулу. Едва коснувшись берегов алтайских рек, едва достигнув берегов озера Телецкого, он продолжал свое, предначертанное свыше, движение к Великому океану. А Барнаул – центр уникальной горно-рудной провинции, как и сама провинция, зародился позже, когда внимательный демидовский взгляд дал начальный толчок русскому осмыслению алтайских предгорий. Тогда и родилось вполне закономерное удивление – какое золотое место едва ли не проскочили первопроходцы в своем устремлении «встреч солнцу». Может быть, относительная молодость «Барнаульского завода Демидова» – так в 1745 году назван наш город на карте Пимена Старцева, – может быть, эта особенность и позволила авторам книги «Летопись сибирских городов», изданной новосибирцами в 1989 году, не включить в

свой всесибирский труд описание не такой уж древней Барнаульской крепости, на которую никто и никогда не совершал нападения, но которой суждено было из рядовой крепостешки превратиться в форпост передовой научно-технической мысли России.

Точности ради следует сказать, что появление предприимчивых Демидовых на сибирских просторах, их выход в предгорья Алтая стали возможны только после того, как дипломатические и военные действия, направляемые сибирским губернатором Матвеем Петровичем Гагариным, увенчались успехом – по линии южно-сибирских русских крепостей: Красноярск–Кузнецк–Бийск был установлен самый западный межевой столб – майор Лихарев основал Усть-Каменогорск, а вниз по Иртышу до самой Тары и далее, словно частокол, отгораживающий Алтай, Кулунду и Барабу от Казахской Орды, от посягательств Джунгарского ханства, появились крепости Семипалатинская, Ямышевская, Железинская, Омская и другие форпосты российского державства, над которыми простирали свои крылья двуглавый орел молодой империи.

Алтай таким образом к 1725 году оказался отгорожен и от джунгар с юга, и от казахов с запада. Эти события явились своеобразным итогом полуторазекового ермаковского периода военной колонизации Сибири, из которого естественным образом, как тростниковый сустав из сустава, начал развиваться этап колонизации мирной и промышленной, основанной на обретении природных подземных богатств. В деле промышленной колонизации Алтая Акинфий Демидов несомненно является нам промышленным Ермаком, несомненно первопроходцем!

...Города послушны рекам – они текут по береговым уступам, не преступая опасной гибельной линии. И Барнаул в этом отношении не исключение – он повторил изгибы Оби, а реку, давшую ему имя, выпрямил, но не настолько, чтобы исказить ее природную суть до рукodelьного канала. А что касемо приобского простираения Барнаула, то в этом он похож на множество других городов. Но была в его судьбе и неповторимая особенность: Барнаул был единственным городом на просторах Сибири, имевшим право, утвержденное императорским указом, именоваться горным городом. И жил Барнаул не по общероссийским законам, а полностью повиновался пунктам горного устава Российской Империи. Однако, даже и внимательный путешественник, а они никогда не обходили Барнаул стороной, приближаясь к тому месту, где Обь круто берет на северо-запад, не мог заметить каких-либо признаков приближающихся гор. Добавка к имени города появилась благодаря канцелярии Колывано-Воскресенских заводов и собственно Барнаульскому заводу, устроенному на малой веточке реки Барнаул, куда со всех сторон, со всех окрестных шахт и рудников, преодолевая не одну сотню верст, стекались вереницы подвод, нагруженных медно-серебряной рудой, рудой золото-серебряной.

Основатель Барнаула туляк Акинфий Демидов, созидательным делам которого посвящен обелиск на берегу бывшего заводского пруда, «упрятал» Барнаульский завод подальше от российских границ с воинственным Джунгарским ханством, пролежавшим по хребтам Алтая. В Барнауле, как в фокусе увеличительной линзы, пересеклись два явления: богатства недр и творческая одаренность горных и заводских мастеров. Здесь, в Барнауле, превращались в серебряные слитки многодневные труды тысяч рудокопов, углежогов, плавильщиков. Весь XVIII век и век последующий Алтай питал государственную казну Империи валютным металлом. Именно в Барнаул устремлялись паломники из европейского ученого мира, чтобы воочию увидеть феномен алтайских горных заводов и рудников, слава о которых разнесена Гмелиным, Фальком, Миллером, Палласом, Гумбольдтом, Ледебуром и Бремом по столицам Западной Европы. И вовсе не в Томске, а в Барнауле, восхищаясь образованностью горных инженеров и благоустройством города, русский географ, знаменитый путешественник Семенов — будущий Тяньшанский, записал в дневнике своею слова о том, что Барнаул – это сибирские Афины...

...А в 1894 году, всего за год до того, как Россия перешла на золотое валютное обеспечение, сереброплавильни в Барнауле были окончательно погашены.

Барнаул встал на одну доску с прочими сибирскими городами – превратился в купца средней российской руки, торгуя тем не менее с Европой закордонной и маслом, и хлебом, получая взамен сельхозмашины, сепараторы и прочую технику для переработки плодов труда земледельческого.

Слава столицы горнозаводского дела осталась в прошлом... Но и на поприще российского торгового дела Барнаул не затерялся. Свидетельство тому – неоднократное призовое участие барнаульцев в торгово-промышленных выставках всероссийского ранга. Зарождаясь и существуя одновременно с горнозаводским, барнаульское торговое дело приобрело специфические черты, вызвав к жизни, особенно в XIX веке, целую плеяду способных и талантливых предпринимателей. И если, выстраивая галерею горных деятелей Алтая, невозможно обойтись без имен Андрея Порошина, Гавриила Качки, Василия Чулкова, Петра Фролова, Василия Болдырева и Николая Журина, то Барнаул торговый просто невозможно представить без деяний купцов Пуртова, Сухова, Морозова, без паромщицы Мельниковой, без владельца типографии и издателя газеты Вершинина, без законодателей пивной моды братьев Ворсиных, без торговцев Платоновых, Яковлевых, Колокольниковых и Кульмаметьевых...

Города освещают не фонари!

Города освещают люди!

Барнаул с момента основания и в последующем двухвековом пути освещен именами горнозаводчика Акинфия Демидова, изобретателя Ивана Ползунова, фольклориста Степана Гуляева, металлурга Петра Аносова, художника Андрея Никулина, публициста Николая Ядринцева, ботаника Виктора Верещагина, садовода Михаила Лисавенко, доктора Александра Чеглецова, инженера Николая Вегеры, главы горисполкома Анатолия Мельникова. Вместе с названными уже представителями горнозаводского и делового мира барнаульские герои градостроительства и жизнеустройства представляют целую систему горных вершин – вершин духа созидательного. У барнаульской истории есть свой неповторимый рельеф, удивительно точно соответствующий рельефу русской души, его сотворившей.

Вряд ли уместно здесь подыскивать какую-либо цитату, подкрепляющую значение прошлого для нас сегодняшних. Цитаты весьма часто напоминают костыли... Авторы предлагаемого вниманию читателей труда вовсе не берут на себя роль поводыря по истории города. Но барнаульское прошлое достойно самого пристального и самостоятельного узнавания. И потому авторы исходили из простого положения – входящий в густонаселенное пространство барнаульского прошлого должен иметь добротную основу.

Не костыль-цитату намереваемся вручить мы читателю, но посох! Чтобы на путях в минувшее была у него прочная и достоверная опора.

Ну и наконец пора сказать о том, что подразумевалось под словом «поступок». В 1991 году, следуя программе Алтайского Демидовского фонда, сформировалась группа историков и писателей, готовая работать над летописью города Барнаула. Но это еще не поступок. Администрация города поддержала замысел, но и это еще не поступок. Работа не могла быть выполнена без использования материалов Государственного архива Алтайского края, без вовлечения в оборот документов краевого краеведческого музея, без обращения к сокровищам краевой библиотеки им. Шишкова, хранимым в редком фонде, без материалов краевого комитета по статистике. Все названные интеллектуальные арсеналы предоставили группе возможность работать с материалами, но и это еще не весь поступок.

Когда в начале 1994 года рукопись летописи была набрана на компьютере, когда были найдены, отобраны и смонтированы в макет редкие фотодокументы, тогда в полный рост возник вопрос – на какие средства издавать летопись?!

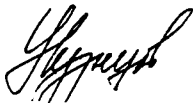
Было написано «Слово к согражданам» и оно, как шапка, пошло по кругу.

Град. Город. Горожанин. Сograждане... Эти простые русские слова обозначают не только причастность к тому или иному месту на земле, но и нечто большее. Мы все чаще и чаще всматриваемся в старинные фотографии, перелистываем семейные альбомы, ворошим небогатые архивы, пытаясь ревнивым чувством проследить свой родовой путь. Но чаще всего, расспрашивая не фотографии, а живых стариков, нам удастся достичь лишь четвертого, реже – пятого родового колена. А ведь кажется, что до первого поколения людей, основавших наш город – рукой подать. Всего-то четверть тысячелетия насчитывает Барнаул от роду! И если согласиться с расчетами ученых, по которым на одно поколение приходится 25–26 лет, то получается, – принадлежим к десятому поколению барнаульцев. А рядом с нами, вслед за нами и одиннадцатое, и двенадцатое... Они будут знать свою родословную и родословную города лучше нас, глубже нас. Да, мы не все родились в Барнауле, но мы живем в этом городе: мы горожане, мы граждане Барнаула. Да, мы, испытывая чувство невозвратимости прошлого и понимая, что невозможно нынче проследить историю хотя бы одного первобарнаульского рода, все же не считаем себя Иванами, не помнящими родства. И поэтому мы находим в душе готовность быть причастными к воссозданию общей биографии города, как живого существа, сотворенными нашими предками.

Поддерживая замысел «Демидовского фонда» по созданию летописи города и подтверждая эту внутреннюю готовность финансовым участием, мы тем самым говорим поколениям, идущим вслед за нами – у нашего города есть чувство родовой чести и гражданской гордости!

При этом я запретил себе говорить: «Дайте денег на летопись...», а выражался просто: «Приглашаю Вас к участию в проекте!» И вот под письмом подписались те, для кого слова «Гражданская гордость» – не пустой звук. Назову здесь их титулы и имена:

Генеральный директор
АО «Силэн-Континент»
Н.А. Кузнецов

Председатель правления
«Барнаулбанка»
В.В. Зайцев

Генеральный директор
Барнаульского филиала
«Сибирского торгового банка»
М.Л. Татьянин

Председатель правления
коммерческого «НЭПП-банка»
В.В. Козлов

Председатель правления
«Алтайкапиталбанка»
О.Н. Колесникова

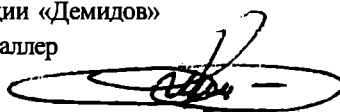
Председатель правления
«Алтайсбербанка»
В.Ф. Песоцкий

И.о. директора Алтайского
филиала «Русско-Азиатского банка»
А.С. Гайфулдинова

Президент сибирской
горно-промышленной
корпорации «Демидов»
Р.Р. Пальгаллер

Генеральный директор
ювелирной фирмы «Телец»
В.Ф. Семакин

Нотариус г. Барнаула
Л.И. Глуховченко

Президент «Зернобанка»
Н.Н. Николаев

В 1994 г. первая часть летописи, включающая события от основания города и до 1919 г. была издана.

Оставался незавершенным XX в.

Работа нам с Валентиной Петровной Кладовой выпала долгая, но когда к 2000 г. ее закончили, мы и не предполагали, что еще дольше будет длиться поиск возможности ее издания. Дело в том, что администрации города описание или даже простая фиксация событий, особенно перестроечного периода резко не понравилась. «Слишком много отрицательного», – было вынесено суждение на уровне зам. главы администрации города... Летопись наша не претендует на зеркало идеальной полировки, но в ней отразилось то, что было...

...Труд по редактированию «Летописи...» взвалил на себя профессор истории В.А. Скубневский. Но и готовая к изданию книга пребывала в состоянии неподвижности еще несколько лет... Однако же отвлечемся от проблем финансовых.

Вряд ли здесь нужно говорить о том, что авторам советского периода и постсоветского тоже известны все значимые события в сфере административного закулисья. Наша задача состояла в том, чтобы не упустить подробностей мимолетающих лет. Для высвечивания любого «закулисья» необходимо время. И в этом отношении «Летопись...» достаточно часто фиксирует лишь отблески, но не сам свет события, какой бы оттенок оно не носило, ибо у Барнаула есть своя тайная история, которая никогда не будет написана. Жизнь тем не менее развивается не по предмету, а по глаголу.

Главное – что сделано! Кем сделано и когда сделано.

Таким образом главный герой этой книги – гражданин города Барнаула.

Гражданин созидающий город.

А появиться «Летописи» на белый свет помогла одна примечательная встреча на том самом месте, откуда зарождался Барнаул. Новый владелец территории Барнаульского сереброплавильного завода Григорий Геннадьевич Гаврилов полон решимости восстановить изначальное ядро города и сохранить его для потомков. Поэтому ему и не нужно было объяснять – сколь это важно для города иметь свою биографию. И решение Гаврилова издать летопись – это и есть поступок гражданина города Барнаула.

Город наш в конце концов не безродная дворняжка, а начало свое имеет благодаря созидательной воле русского дворянина Акинфия Никитича Демидова и вот теперь наши сограждане могут сказать: «У нас есть и чувство родовой гордости и своя родословная».

Александр Родионов